

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ

УДК 821.161.1(092)

DOI 10.37386/2305-4077-2026-1-57-62

© С. А. Шульц¹*Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия)*

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ФИЛОСОФИЯ КИНИКОВ

В статье рассматривается отношение Толстого к античному философскому течению кинизму. Опрощение Толстого напоминает об опрощении киников. Вторым основным моментом рецепции киников Толстым является апология высвобождения духовного личностного ядра человека. Превознесение роли единичного у киников коррелирует с возрастанием роли субъективности у Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, киники, «опрощение», асоциальность, личностное ядро

Sergei A. Shul'ts*Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russia)*

L. N. TOLSTOY AND THE PHILOSOPHY OF THE CYNICS

The article examines Tolstoy's attitude to the ancient philosophical movement of Cynicism. Tolstoy's simplification is reminiscent of the simplification of the Cynics. The second main point of the reception of the Cynics by Tolstoy is the apology for the release of the spiritual personal core of man. The exaltation of the role of the individual among the Cynics correlates with the increasing role of subjectivity among Tolstoy.

At the end of the 20th century. Peter Sloterdijk saw in modern forms of criticism of reality only falsely understood and falsely implemented cynicism, calling them cynicism. The return to cynicism declared by the German philosopher as a type of "true" social criticism was anticipated by Tolstoy.

Key words: L. N. Tolstoy, cynics, "simplification", asociality, personal core

Записи Толстого «Избранные мысли Лабрюйера» содержат знаменательные слова: «Хорошо быть, но не хорошо слыть философом» [Толстой, т. 40, с. 219–273]². Тем самым писатель выделяет тезис о важности быть философом «практическим», для которого философия – дело жизни. Такой практической философией был и античный кинизм.

¹ Сергей Анатольевич Шульц – доктор филологических наук, независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия). ORCID: 0000-0002-3429-6714. E-mail: s_shulz@mail.ru.

² Тексты Л. Толстого цитируются по изданию: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1928–1958. Далее номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

В статье «О Шекспире и о драме» Толстой присоединяет себя к лагерю сторонников киника Диогена как философа, чьи установки, по мнению Толстого, противоположны Шекспиру (т. 35, с. 254). В «Мыслях мудрых людей на каждый день» Толстой приводит высказывание Эпиктета, где содержится изложение позиции Диогена о свободе человека как о его готовности умереть в любую минуту (т. 40, с. 104). Та же цитата из Эпиктета с изложением мнения Диогена повторена в составленном Толстым «Круге чтения» (т. 41, с. 543). В письме к Л. П. Никифорову от 14 ноября 1890 г. (по старому стилю) Толстой приветствует благожелательный подход адресата к подготовленной к изданию П. И. Бирюковым брошюре о Диогене (вышла в 1891 г. в издательстве «Посредник»; в организации издания брошюры Толстой принимал участие) (т. 65, с.185).

Среди сократических школ киники – из наиболее известных. Сократ, как известно, впервые в античной философии поставил вопрос о человеке, и киники продолжили эту линию, рассматривая преимущественно принципы существования индивида в социуме, строение индивидуального внутреннего мира, правила должной жизни. Киники запомнились более всего тем, что создали некую «практическую философию», видя в ней последний путь к совершенствованию [Аверинцев, 1989; Нахов, 1982]. Разумеется, вся античность рассматривала философию как дело жизни, но практическая философия киников резко выделяется среди прочих своей исключительной оригинальностью, экстравагантностью.

В аспекте «практической» философии опрощение Толстого напоминает опрощение киников. Широко известен анекдот о Диогене, жившем в бочке и противопоставившем тем самым себя «респектабельным» людям. Радикализм Толстого в отрицании государственных и общественных установлений, утверждение им исключительно прав единичного были подготовлены, в том числе киниками. Однако в отличие от толстовского, опрощение киников было эпатажным, провокативным, доходило до буквального низвержения всякой социально-политической прикреплённости и связи.

Толстой оставил лишь один социальный сегмент незатронутым своей критикой – деревню, крестьянство. Но и здесь Толстой мыслит категориями единичного: например, покаяние Никиты во «Власти тьмы» – проявление индивидуальной морали, хотя оно и происходит «на миру», среди односельчан³. Киники были не столько противниками морали общественной, сколько сторонниками морали индивидуальной, единичной в ее антиномии морали общей и общественной (подготавливая тем самым личностный этический бунт Толстого).

---

³ Подробнее см.: [Шульц, 2002]. Здесь же об индивидуализме Толстого.

Второй целью опрощения для киников является высвобождение духовного личностного ядра человека. В этом киники предвосхитили появление стоиков [Аверинцев, 1989], а стоики неизменно высоко оценивались Толстым. По замечанию А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи, «...основатель кинической школы Антисфен и его ученик Диоген пришли к выводу о духовной свободе человека, лишённого не только имущественных благ, но и твердых семейных уз, моральных традиций, общественных обязанностей, так как все это подчиняло человека ненавистным государственным законодательствам, делящим людей на свободных и рабов» [Лосев, Тахо-Годи, 1993, с. 13–14].

Антисфен полностью отрицал «реальность общего»: «Существуют только единичные вещи» [Асмус, 1976, с. 130; Антология кинизма, 1984]. Начиная с романа «Анна Каренина» Толстой фиксирует единичность всех драматических и трагических человеческих судеб в мире: «Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» (т. 18, с. 3). Единичность историй Ивана Ильича («Смерть Ивана Ильича»), Касатского («Отец Сергей»), Брехунова («Хозяин и работник») особо подчеркнута автором. В описании предсмертного состояния многих своих персонажей (от князя Андрея до Ивана Ильича и Хаджи-Мурата) Толстой часто фиксирует обретение ими отдельного личностного ядра как свободного надмирного покоя, что созвучно и киникам, и стоикам.

Так автор/нарратор поступает, например, в передаче внутреннего состояния умирающего Ивана Ильича: «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и все это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости» (т. 26, с. 93). Умирая, Иван Ильич в надмирном светлом покое постигает смысл собственной самости и уникальности.

В финале «Божеского и человеческого» единичность преобразования мира в прозрении умирающего старика-раскольника показана, вместе с тем, как универсальное преобразование, касающееся всех. Таков, согласно Толстому, парадокс соотношения отдельного и общего: «И он (умирающий раскольник. – С.Ш.) чувствовал, что это уже совершается, совершается во всем мире, потому что это совершается в просветленной близости к смерти душе его» (т. 42,

с. 224). Для Толстого совершающееся в душе отдельного человека, если тот сознает себя и жизнь должно, равно потрясению, произошедшему во внешней реальности, тождественно преобразению внешнего мира (см.: [Шульц, 2019; Шульц, 2023]). Но в этом отличие Толстого от киников, целиком отрицающим общие начала.

Согласно наблюдениям В. Ф. Асмуса, «по этике киников мудрость состоит не в недоступном для человека *теоретическом*⁴ знании, но лишь в познании *блага*. Истинное благо может быть достоянием каждого отдельного лица, а целью добродетельной жизни может быть не богатство, не здоровье и даже не сама жизнь (все это блага, нам не подвластные)» [Асмус, 1976, с. 130]. Абсолютизации киниками «блага» корреспондирует тезис Толстого «Жизнь человека есть стремление к благу» («О жизни») (т. 26, с. 434). (Вместе с тем многие иные философы античности также видели цель жизни в «благе»).

Идеалом киников выступает «лишь спокойствие, основанное на отрешении от всего, что делает человека зависимым: от имущества, наслаждений, от искусственных и условных понятий, принятых среди людей» [Асмус, 1976, с. 130].

Умирующие герои Толстого обретают покой через преодоление растворения их «я» в обезличенности их социального круга, их служебных обязанностей, их семьи и т.п. Их субъективность не может примириться ни с какими разновидностями всеобщего. Хотя, как уже было отмечено выше, связь индивидуального со всеобщим в мире Толстого по-своему, парадоксально не прерывается.

Превознесение роли единичного у киников коррелирует с возрастанием роли субъективности в культуре рубежа XVIII–XIX (Кант, Фихте, Гегель) и рубежа XIX–XX в. (модернизм). В данном случае под субъективностью имеется в виду не некая абберрация объективного, а пропущенный через каждую отдельную человеческую индивидуальность сугубо личностный взгляд на мир жизни и истории, на мир культуры. Толстой всегда искал в изображаемом им явлении соответствия собственному личностному началу. Он не мог принять ничего из навязываемых ему социумом общих понятий и начал, пока он не пропустит это через личностный камертон. Писатель стремился дойти до смысла самостоятельно, исходя сугубо «из себя», из своей творческой и человеческой единичности как данной каждому уникальности. Отсюда – высокое одухотворение Толстым каждого субъекта.

---

⁴ Здесь и далее курсив наш. – С.Ш.

Духовно близкий Толстому Руссо, создавший теорию «естественного человека», немало взял от киников в их изначальной асоциальности. В точке кюльта внеобщественного «я» киники, Руссо, Толстой заметно пересекаются.

Как от киников до сих пор остались живы «анекдоты» [Аверинцев, 1989], так остались последние и от Толстого: прежде всего это «анекдот» о барине, идущем за плугом, а также описание курьезов-анекдотов, составленное обзором Д. И. Хармсом (также по-своему близким киникам, как и все «чинари»).

В конце XX в. Петер Слотердаик увидел в современных формах критики действительности лишь ложно понятый и ложно претворенный кинизм, назвав их цинизмом [Слотердаик, 2009]. Декларированный же немецким философом возврат к кинизму как виду «истинного» социального критицизма был предвосхищен еще Толстым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аверинцев, С. С.** Киники / С. С. Аверинцев // *Философский энциклопедический словарь*. 2-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – С. 257–258.
2. **Антология кинизма**. – Москва: Наука, 1984. – С. 53–60.
3. **Асмус, В. Ф.** Античная философия / В. Ф. Асмус. – Москва: Высшая школа, 1976. – 544 с.
4. **Лосев, А. Ф.** Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – Москва: Молодая гвардия, 199. – 260 с.
5. **Нахов, И. М.** Кинизм и цинизм. Отжившее и живое / И. М. Нахов // *Антология кинизма: фрагменты сочинений кинических мыслителей* / под ред. И. М. Нахова. – Москва: Наука, 1984. – С. 231–245.
6. **Нахов, И. М.** Философия киников / И. М. Нахов. – Москва: Наука, 1982. – 225 с.
7. **Слотердаик, П.** Критика цинического разума; пер. с нем. А. Перцева; испр. изд-е / П. Слотердаик. – Екатеринбург: У-Фактория; Москва: АСТ, 2009. – 800 с.
8. **Толстой, Л. Н.** Полное собрание сочинений: в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1928–1958.
9. **Шульц, С. А.** Историческая поэтика драматургии Л. Н. Толстого (герменевтический аспект) / С. А. Шульц. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2002. – 240 с.
10. **Шульц, С. А.** «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя и «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого / С. А. Шульц // *Культура и текст*. – 2019. – № 1 (36).

[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-1-36> (10.12. 2026).

11. **Шульц, С.А.** М. И. Цветаева – Ф. И. Тютчев («Silentium!») – Л. Н. Толстой («Анна Каренина»): к герменевтике соотношения поэзии и слова, индивидуальной и общей жизни / С. А. Шульц // Литературоведческий журнал. – 2023. – № 62. – С. 126–146.

REFERENCES

1. **Antologiya kinizma.** – Moskva: Nauka, 1984. – S. 53–60.
2. **Asmus, V. F.** Antichnaya filosofiya / V. F. Asmus. – Moskva: Vysshaya shkola, 1976. – 544 s.
3. **Averintsev, S. S.** Kiniki / S. S. Averintsev // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. 2-e izd. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. – S. 257–258.
4. **Losev, A. F.** Platon. Aristotel' / A. F. Losev, A. A. Takho-Godi. – Moskva: Molodaya gvardiya, 199. – 260 s.
5. **Nakhov, I. M.** Kinizm i tsinizm. Ozhivshye i zhivoye / I. M. Nakhov // Antologiya kinizma: fragmenty sochineniy kinicheskikh mysliteley / pod red. I. M. Nakhova. – Moskva: Nauka, 1984. – S. 231–245.
6. **Nakhov, I. M.** Filosofiya kinikov / I. M. Nakhov. – Moskva: Nauka, 1982. – 225 s.
7. **Shul'ts, S. A.** Istoricheskaya poetika dramaturgii L. N. Tolstogo (germenevticheskiy aspekt) / S. A. Shul'ts. – Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 2002. – 240 s.
8. **Shul'ts, S. A.** «Snega KilimandzharO» E. Khemingueya i «Smert' Ivana Il'ichA» L. Tolstogo / S. A. Shul'ts // Kul'tura i tekst. – 2019. – № 1 (36). [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2019-1-36> (10.12. 2026).
9. **Shul'ts, S.A.** М. И. Tsvetayeva – Ф. И. Tyutchev («Silentium!») – Л. Н. Tolstoy («Anna KareninA»): k germenevtike sootnosheniya poezii i slova, individual'noy i obshchey zhizni / S. A. Shul'ts // Literaturovedcheskiy zhurnal. – 2023. – № 62. – S.126–146.
10. **Sloterdayk, P.** Kritika tsinicheskogo razuma; per. s nem. A. Pertseva; ispr. izd-e / P. Sloterdayk. – Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moskva: ACT, 2009. – 800 s.
11. **Tolstoy, L. N.** Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t. / L. N. Tolstoy. – Moskva; Leningrad: GIKHL, 1928–1958.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025 г.